

À jurem manuscriptum.log
О МАКСЕ ШТИРНЕРЕ.
Заметка

«От безбожья до Бога — мгновенье одно.
От нуля до итога — мгновенье одно.
Береги драгоценное это мгновенье:
Жизнь — ни мало ни много — мгновенье одно!»
Омар Хайям.

Последовательному атеизму противоречит само мышление, изначально базирующееся на понятии истины, с этим ничего не поделаешь. Дело в том, что всякое мышление априори религиозно, поскольку не может мыслить предметы иначе, как континуально, т. е. постоянно трансцендируя представление за пределы наличного опыта, за пределы явления.

Оно может искать грехи церкви, смеяться над религией, но само всегда базируется на тех или иных аксиомах, то есть предметах веры. Мышление может с этим не соглашаться, говорить об очевидности аксиом, но всё это уже высмеяно много раз. Вера она в основании разума, а не после него, как об этом догадался Кант в конце жизни.

Теперь, собственно, о Штирнере. Он по-настоящему взбунтовался против мышления и в результате достиг того, чего до сих пор толком так и не поняли. Ницше стал популярнее его лишь потому, что он дал профанам наслаждение художественной формой, что говорит о том, что ни Штирнер, ни Ницше до сих пор толком не прочитаны. Последовательность Штирнера привела его к единственно возможной очевидной аксиоме: я есть, и я дан сам себе как существующий, всё остальное под вопросом. Гуссерлю бы так сподобиться выносить за скобки, но не сподобился, хотя в шаге был.

После этого действительно Бог невозможен — Штирнеру удаётся выстроить мышление от аксиомы, которая не нуждается в вере — она действительно очевидна. Казалось бы, вперед и с песней! Но далее следует роковая ошибка — он пишет о Единственном, то есть впадает в «грех» мышления. Наивный, он думает, что его мышление круче других, ведь оно единственное начинается не с постулата веры, а с непосредственно данного и неопровержимого. И он начинает это демонстрировать. Зачем и кому? Ведь сам же сказал, что надо строить свой мир. А строить — это далеко не просто мыслить. В итоге, кроме хвастливого: «Ничто — вот на чём я построил своё дело», ничего не получилось, дела не получилось.

Гегельянец, он и есть гегельянец, т. е. далеко не Гегель. И в результате вот что получилось. Хотел он или нет, а атеистом так и не стал, поскольку место Бога занимает Единственный и занимает не потому, что в концепции ошибка, а потому, что стал мыслить вместо того, чтобы послать к ядрёной фене все эти философские заморочки в виде писания книжек. Мыслить после таких озарений следовало про себя и исключительно инженерно! Ибо только инженерно постигается в каждом

À jurem manuscriptum.log

конкретном случае понятие Справедливости, как максимального действия, направленного к установлению всеобщего законодательства.

Так как, в своём понятии, Справедливость есть наличие максимального объёма особенного подмножеств некоторого множества, благодаря которому действительное состояние сего множества превышает по силе простую сумму его вещественных подмножеств. В самом деле, велосипед, например, это отнюдь не просто рундук с абы-как положенными туда винтами, гайками, рамой и прочими деталями, но точно выверенное расположение каждой детали на своём особом месте, соотносённое с максимальной для транспортного средства на мускульной силе одного-двух человек скоростью езды, достижимой на местности определённого рельефа и грунта при определённой степени жёсткости каждого узла; где данное соотношение выступает условием максимальной долговечности конструкции в целом. Именно оптимизация такой выверки и есть осуществление Справедливости применительно к той или иной конкретной модели велосипеда. Философия-то (по крайней мере её логическая составляющая) после Гегеля кончилась, и если ты это понял, то смысла трубить в трактатах об этом уже не было. Но случилось, как случилось, Кант Штирнером остался не прочитан, слишком сильно на него повлиял Гегель, а тот очень был озабочен тем, чтобы кантианцев среди его студентов не было. Отчего Кант не был прочитан? Да оттого, что идея Бога должна была допускаться Единственным как то, с чем возможна настоящая игра. Тогда бы ему стала очевидна и ещё одна вещь: только последовательный атеизм приводит к чистой и непротиворечивой идее Бога, с которым Единственный может играть в любые игры. Именно такова и была идея Бога у Канта. Иначе харитоновское истолкование II формулировки Категорического Императива было бы, как ни крути, абсурдным, тогда, как на самом деле оно есть единственное истолкование, адекватное масштабу предмета: «Кант говорит: «Поступай так, чтобы максима твоего морального поступка могла бы служить нормой всеобщего законодательства». Иными словами, Кант усматривает моральность в том, чтобы каждый поступал так, как если бы его поступок тут же становился бы всеобщим примером для подражания, более того — законом для всего человечества. Тем самым Кант ставит каждого морального субъекта в положение абсолютного Господина мира, который добровольно подчиняется лишь тому закону, который хорош для всего мира, всей Вселенной. Но кто может быть законодателем всего мира? Очевидно, лишь тот, кто носит в своей груди готовность к господству, к величию. Кант осмелился сделать это стремление основой своей моральной системы. Кант говорит каждому человеку: «Поступай так, как поступил бы на твоём месте суверенный Господин всего мира, прими на себя эту ответственность — и в этом ты обретёшь источник морали и права». Добродетель как раз и состоит в том, чтобы быть Господином, а не рабом, и поступать сообразно этому».

Помимо вышесказанного, считаю нужным отметить вот что. Кантовская формула,

À jurem manuscriptum.log

осуждающая всякое самоубийство гласит: «Уничтожать в своём лице субъект нравственности — это то же, что искоренять в этом мире нравственность в самом её существовании». И если бы Иммануил Кант не усматривал суть нравственности в по-инженерному ответственном, подлинно хозяйском, отношении ко всему вещественному в мире, не исключая и тела самого морального субъекта, он бы просто на-просто не закончил эту формулу так, как он её закончил, т. е. оборотом «в самом её существовании». А раз так, то в устах такого строгого трансценденталиста, как Кант, формула эта представляет собою не более, чем негативную инверсию смысла, позитивно данного в аяте 31-м 47-й сурры Священного Корана «Мухаммед». Цитирую по стихотворному переводу И. Пороховой:

«И Мы пошлём вам испытанья,
Чтобы узнать, которые из вас
Усердствуют в сражениях за веру
И терпеливо стойки в них,
И испытаем сообщения от вас
на их правдивость».

Впрочем, и Гегель тоже остался толком не прочитан, скорее, прослушан, иначе бы герр Шмидт не выдумывал себе псевдонимов и не писал бы под ними книг. Это и было главным противоречием во всей этой истории.

В общем, последовательный атеизм в отличие от его профанных, вульгарных форм, являющихся вырожденными формами религии, есть то, что снимает себя через абсолютную Свободу, которую он находит в кантовском понимании Бога. Только на этом пути возможно и снятие нравственного выбора верить или не верить. Если ты действительно встал на позицию Единственного, то вера уже не есть выбор, она есть инженерное действие. А если это так, то реши для себя вопрос: зачем тебе вера? Зачем ты, веря, допускаешь существование Бога, для каких твоих игр тебе нужна идея Бога?

«Заурядный человек обретает смысл в Боге. Незаурядный человек обретает смысл в себе. Если вам упорно нужен рациональный смысл жизни, считайте, что вы — переделыватель и перевоссоздатель Вселенной» — пишет Михаил Иосифович Веллер, подразумевая под «рациональным смыслом» ровно тоже самое, что понимал под «правом» харитоновский Дитль!

При этом и от религии, и от атеизма ничего не остаётся в чистом виде, обе вещи сняты.

О неимоверной точности кантовского понимания сути богословия именно как этики, действующей инженерно, свидетельствует всемирно-историческая тенденция очень медленного, но неуклонного, расширения круга «СВОИХ» морального субъекта (т. е. «ближних» в обычной, христианской терминологии), замечательно описанная луганским ополченцем Сергеем Аксёненко:

«Для людей [первобытных] существами, с которыми надо считаться, были лишь

À jurem manuscriptum.log

«СВОИ» — именно на них распространялись нормы морали. А под «СВОИМИ» в разные времена понималось разное. Несмотря на то, что, столь популярная в XVIII-XX веках, идея прогресса сейчас выглядит очень сомнительно, в отношении того, кого понимать под «СВОИМИ», мы наблюдаем всё же прогресс в сторону количественного расширения этих самых «СВОИХ» — прогресс, несмотря на всяческие временные отступления.

В начале «СВОИМИ» считали только членов своей общины, своего племени.

Группу в несколько десятков или сотен человек. Все остальные были чужаками — их истребление не считалось грехом, наоборот — делом похвальным и полезным.

Такой подход ещё встречается в современной Африке, где во время межплеменных конфликтов члены одного племени стремятся истребить иноплеменников, как говорится, «под корень». То есть, одобряется даже убийство младенцев.

На втором этапе «СВОИМИ» стали считать членов своей культурно-языково-этнической общности.

Часто такая общность совпадала с границами государства — например, в Китае, Японии. Иногда не совпадала — тот же Китай, но уже раздробленный на несколько государств. Или греки. Несмотря на то, что они жили в нескольких постоянно воюющих между собой государствах-полисах, себя они ощущали единой общностью, и резко противопоставляли своих соплеменников «чужим» народам, которых называли варварами. Со временем на базе культуры Древней Греции, благодаря завоеваниям Александра Македонского, а затем — Древнего Рима возникла античная средиземноморская общность.

Иногда культурно-языково-этническая общность сохранялась и без государства, например, у древних евреев. И Библия чётко фиксирует такое понимание «СВОИХ». (...)

С зарождением мировых религий «СВОИМИ» стали считать единоверцев, пусть даже из разных народов, чужими — иноверцев (неверных). На следующем этапе под своими начали понимать всех людей. (...)

Мы видим следующую схему. До появления вида *Homo sapiens*, на животном уровне, под понятие «СВОИ» попадала только конкретная особь. Все остальные были для неё «ЧУЖИМИ». Потом «СВОИМИ» себя осознавали самка с детёнышами и возможно их отец. То есть эволюция идёт таким образом. «СВОИ» — это вначале «Я», потом — семья, потом — племя, потом — народ, потом — все народы одного вероисповедания, потом — всё человечество, потом — все высокоорганизованные живые существа, потом — всё живое и высокоорганизованные механизмы, потом — вся Вселенная. А дальше индивидуальное «Я», сливается с Богом.

Конечно здесь я привёл упрощённую схему, хотя биогенетический закон, частично подтверждает её. Согласно этому закону индивидуальное развитие, является как бы кратким повторением эволюции. Индивидуальное развитие человека начинается с того, что ребёнок примерно до двух лет воспринимает только своё

À jurem manuscriptum.log

«Я», ему ещё трудно осознать, что у других людей есть свои интересы, ребёнок в этом возрасте абсолютный эгоист. Потом его мир расширяется до пределов семьи, потом до пределов всего социума».

Мне же остаётся добавить, в соответствии с учением Игоря Михайловича Дьяконова, с нарастанием на кругу «СВОИХ» каждого очередного «годового кольца», для установления Справедливости (каковая, по сути, только и возможна в этом кругу!), потребен всё более изощрённый аналитический аппарат, что, естественно, чревато всевозможными попытками отката назад входе упомянутого нарастания, столь велика горечь незрелых плодов всеобщей Справедливости. Одно только принятие европейским человечеством идей христианского экуменизма заняло восемь веков от Нерона до Карла Великого, и потребовало огромной крови мучеников за новую веру перед лицом, сперва всё более и более коснеющего античного мира, а потом и дикого мира германцев.

Сейчас человечество находится в самом начале расширения круга «СВОИХ» до границ планеты. Не известно, завершится ли этот процесс удачей, т. е. созданием планетарного государства с преимущественно плановой экономикой или же грандиозной катастрофой обрушения всей земной цивилизации в каменный век, а может и гибелью всей биологической жизни. А.И. Фурсов, если не ошибаюсь, утверждает, что к этой развилке ведёт самоё развитие турбокапитализма, снявшее системообразующее противоречие между понятиями товара и продукта пока лишь формально, в отношении обмена, тогда как действительное его снятие в отношении уже производства привело бы к упразднению самого понятия капитализма и переходу в планетарному плановому хозяйству. Ведь, согласно А.А. Вассерману, оптимизировать план лучше в планетарном, а не в территориальном масштабе!

В соответствии с гегелевой диалектикой, к классу системообразующих следует относить такое противоречие, в рамках коего непримиримые противоположности обретают смысл своего существования друг в друге.

Гегель в своих записных книжках приводит очень удачный конкретный пример такого противоречия:

«Партия существует тогда, когда она внутренне распадается. Таков протестантизм, различия которого должны быть теперь преодолены с помощью создания различных союзов; это и есть доказательство, что протестантизма больше не существует. Ведь при распаде внутренние различия конституируются в качестве реальности. Вместе с возникновением протестантизма прекратились все расколы внутри католицизма. Теперь истина христианской религии навсегда доказана, правда, неизвестно для кого. Ведь мы не имеем же дела с турками». Пока что наблюдается лишь повсеместный рост этнотерриториального национализма, связанный с общим упадком народного образования, который, в свою очередь, был почти искусственно создан правящими верхами, поскольку основной свой доход эти верхи имеют уже на экуменном, а не на территориальном

À jurem manuscriptum.log

уровне; управлять же плохо образованным, легковверным обывателем с помощью пропаганды много легче, чем людьми имеющими опыт самостоятельного, читай критического мышления. Светлых же умов для инженерных инноваций в масштабах планеты будет достаточно всегда. С другой стороны, если при нынешнем уровне народонаселения Земли, 40% населения всех стран окончат хотя бы семилетку сталинских времён, ринувшись за лучшей жизнью в большие города, то в виду недостаточной массовости производства роботехники в одних случаях и полного её отсутствия в других на теперешнем этапе научно-технического прогресса, мгновенно обнаружится довольно-таки острая нехватка рук на грязных и просто тяжёлых работах, поскольку образованная молодёжь неминуемо потребует себе достойных рабочих мест.

Именно в колоссальной пропасти между уровнем технического развития территориальных сегментов — сопоставим ли, в самом деле, технологичный продукт Японии с таковым продуктом Камбоджи?! — ставшего окончательно единым в плане обмена планетарного рынка лежит основная причина того, что на территориальном уровне продукт, становясь товаром, ещё может подтянуть под нужды своего развития необходимые деньги (универсальный товар!), равно как и деньги, будучи вложенными в производство ещё не известного в тех краях товара, могут подтянуть разработки какого-либо нового продукта, тогда как на экуменном уровне осуществимо, в огромном большинстве случаев, лишь второе: деньги вкладываются в производство ещё никому толком неизвестного продукта, производящего сенсацию на рынке. Безспорно, с экологической точки зрения, потребление развитого сегмента планетарного рынка крайне завышено, чем, собственно, и объясняется необходимость нарочно раздуваемой шумихи (сенсация) вокруг обычно косметических изменений у новых моделей того или иного продукта, поскольку иначе данный обновлённый продукт не будет раскупаться в этом пресыщенном сегменте, т. е. не станет товаром. В недоразвитом же сегменте продукт такого технологичного уровня вообще не по карману 75-99% населения, а, как уже говорилось выше, всякая попытка ускоренными темпами подтянуть уровень жизни и, в частности, техники и образования недоразвитого сегмента до уровня развитого, при крайней избыточности потребления последнего и довольно высоком демографическом приросте первого, почти сразу же спровоцирует социальный взрыв в развитых странах, ибо толпы нищей молодёжи скоро ринутся туда за лучшей долею.

А коль скоро наличие необходимой суммы приравнялось к наличию сенсации, — нет же ничего иного, сугубо материального! — то, стало быть, и сами деньги, с увеличением скорости обмена (тому виной гигантский скачок последних тридцати лет в развитии средств транспорта и связи) становятся в конце концов не только универсальным товаром, но и универсальным продуктом, порождая неслыханных прежде размеров финансовые пирамиды, грозящие похоронить под собой весь планетарный рынок. И мир будет тонуть в постоянно возникающих распрях между

À jurem manuscriptum.log

осколками планетарного рынка (проявлением коих выступает, в частности, пещерный национализм) до тех пор, пока и на экуменном уровне, как и на территориальном, продукт не сможет подтянуть под своё развитие необходимые деньги, необязательно будучи при этом чем-то сверх-сенсационным, но скорее просто необходимым по трезвому расчёту.

Так что, по-любому, крови в борьбе за планетарную Справедливость будет пролито очень много. Если же сбудется самый страшный вариант прогноза со всеобщим уничтожением, тогда, стало быть, и существа, покончившие с собою и ближними только лишь ради чистогана, вовсе не были столь разумны, как хвастались буквально на каждом шагу. Ведь если кто-то упадёт в обморок и умрёт от удушья, подавившись крайне кислым и жёстким, из-за своей незрелости, плодом, заранее зная, что плоду тому надо было ещё зреть и зреть, — не стоит искать иных причин данной трагедии, поскольку единственной причиной её является обыкновенная глупость.

И пусть многочисленные гуссерлианствующие прохвосты сколь угодно долго талдычат, что единственным гарантом трансцендентального субъекта выступает Другой. Но стоит подойти к делу не с филологической, а с инженерной точки зрения, как почти сразу прояснеет, что и само представление о Другом есть лишь результат действия, называемого биологами импритингом, когда субъект аффицируется родом, вернее, чем-то по умолчанию сродным ему, даже если в действительности оно не таково. И это действие активизирует тягу к Справедливости, априори, в меру способности суждения, присущую любому субъекту, ибо оно сообщает «Я» представление о своём, как о том, что может находясь вне «Я», быть равно «Я» или даже превышать его. Ну а если имеет место импритинг, то это означает, что Другой всё равно будет в своё время выдуман субъектом, даже если результат такого выдумыванья окажется на поверку существом неразумным, хоть и самодвижным, т. е. близким в понятии к заводной игрушке, близким к вещи. И в таком разе рассудок субъекта, вне всякого сомнения, сильно притупляется, никогда фактически не встречая потребности в выполнении (установлении) Справедливости в виде активного сопротивления со стороны Другого. Чтó отнюдь не отменяет предрасположенности всякого субъекта к импритингу. Отчего последнее замечание столь важно? Да оттого, что всякий составляет представление о Другом по своему лекалу, следуя известному закону природы, весьма удачно сформулированному утилитаристом Клодом Гельвецием: «Количество ума, необходимое для того, чтобы нам понравиться — точный показатель той степени ума, какой обладаем мы сами».

С другой стороны, очевиден печальный факт, что огромное большинство людей, не обладая и десятой долей интеллектуальных и нравственных способностей старика Канта, будут, если такая возможность им предоставится, конструировать Бога

À jurem manuscriptum.log

голой чувственностью, а не верой или разумом. Ведь только в остроте непосредственно данного ощущения человек может не замечать горестей и утрат социального и природного существования своего. Поскольку в огромном большинстве случаев самая достоверная логика при лобовом столкновении с сильной и длительной болью или, наоборот, с острым и долгим удовольствием, бывает повержена ими на обе лопатки даже у маститых мыслителей. Исключений из этого правила крайне не много — можно даже предположить, что произошли они из-за недостаточной умелости палача или любовника в своём деле, а не из-за какой-то исключительной стойкости их жертвы. В самом деле, разумом я могу понимать о-очень многое. Но ощущение — первично. Вот почему под пытку и на любовном ложе огромное большинство всегда было и будут откровенны, как малые дети. Ведь это правило — всего лишь гносеологический аспект древнейшего инстинкта самосохранения.

И как же всё-таки прав оруэлловский О'Брайен, говоря: «Все радости жизни окажутся изничтожены. Но всегда — поверь мне, всегда! — будет дрожь победы и упоение властью». Отчего прав? Да оттого, что в явленном мире нет положительной Свободы, а есть лишь Освобождение, отрицающее прежнее состояние. И при всём проявленном сострадании, даже праведнику, где-то на дне души его, всё же приятно, что несчастье постигло не его, а другого. Вот почему, согласно М. Уэльбеку, мрачный Фридрих Ницше вытеснил в конце концов из душ европейцев, а в перспективе, не только европейцев, Иешуа Га-Ноцри.

Обоснованное голой чувственностью безбожье, если оно делается массовым, несомненно опасно уже одним тем, что регулярно забывая о присутствии страдания, всякий неизбежно утратит в итоге и сострадание к слабым (лейтмотив всего творчества любимого мною за это месье Уэльбека). А потому тысячу раз прав лорд Бэкон Веруламский, сказавший как-то между делом, что «атеизм подобен тонкому льду, по которому [единицы ещё] пройдут, а народ — рухнет в бездну». Поэтому религия, со всем её аппаратом запретов, воздаяний и кар, всегда будет накладываться на рядового обывателя извне его эго. Накладываться вождями, которые, как правило, существенно умнее, изворотливее среднестатистического обывателя, в целях сохранения элементарного порядка и единства в обществе. Тот же Михаил Иосифович Веллер говорит в одном из своих многочисленных радио-интервью, что «большинство никогда ничего не будет делать, потому что 90% живут заёмными мнениями и поддерживают действующую власть. И только 10% тех, кто поумнее, всегда варят ту кашу, увлекая массы за собой».

Огромное большинство людей и так-то проявляют минимум со-чувствия к бедам ближнего, будучи по сути дела или пустыми мечтателями, или фарисеями, — нигилисты же хотели бы предложить им такое умонастроение, при котором те и вовсе станут дерьмом!

Нет, всё-таки не панлогизмом Гегеля завершается развитие философии, а строгим сенсуализмом государственника Михаила Веллера. Ибо, хотя разуму и

À jurem manuscriptum.log

предшествует вера, как верно подметил Кант, самой вере предшествует определённая мера возбудимости центральной нервной системы, и мера эта у каждого — своя.

Тот же факт, что либералы довели веротерпимость до объёма вседозволенности, сделав из этой вседозволенности эрзац-религию, говорит лишь о предсмертном слабоумии либерализма, и об отсутствии у адептов этого учения, в его наличном виде, государственного чутья. Отчего предсмертном? Да оттого, что когда в душе иссякает готовность к величию, рождаемая жаждой Справедливости, тогда и стремление всего живого к Свободе превращается в чистую негацию Освобождения решительно ото всего. Превращается, по-просту, в кровавую насмешку над Бытiём, подменяющую собой труд Его познания — чем, собственно, и занимались охальники из «Charlie Hebdot» и живодёры, потрошившие молодого жирафа среди бела дня, на глазах малолетних посетителей зоосада. И пока у нас здесь, в России, потребность в Справедливости столь сильна, что за подобные выходы можно огрести, что называется, по-полной не только от рук мусульманских радикалов, Россия останется подлинно великой державою.

Слава России!!!

Марат Зуф. Салихов, 10. 2. 2015 г.

Прибавление:

Последние события на мировой политической сцене воочию убедили меня, что идея кантовского «вечного мира» достижима с бóльшей вероятностью роботами, но не людьми с их историческим грузом расовых и этнических различий и догм. Это — не по силам виду homo sapiens, как таковому, поскольку даже угроза ядерной войны не может предотвратить расползание методов войны диверсионной, расползание «войн из-подтишка». Ведь, под занавес развития капитализма, аферистами стали все игроки мирового рынка! Прав тут оказался Альфред Боймлер на все сто процентов: идея «вечного мира» это — сверхчеловеческая идея:

«Мечта об абсолютном мире — «нечеловеческая» мечта, потому что она возносится не только над фактическими состояниями, но и над человеческой реальностью вообще. Сверхчеловеческое, которое не находится ни в каком ответственном отношении с человеком, действует самым роковым образом, как и недочеловеческое, если ставится вместо человеческого. У мира две стороны: с одной стороны — это гармония, с другой — власть. Гармония, которая не является одновременно властью, — не политическое состояние. При восхвалении идеи мира

À jurem manuscriptum.log

всегда упускалась из вида властная сторона любого мирного состояния. Красоту и преимущества мирного порядка превозносили, не затрагивая вопрос о средствах, с помощью которых оно может быть достигнуто. А средством может быть только абсолютная власть. Всеобщего мира можно было бы достичь только исключив все особенности. Но любая власть связана с типом людей, которые её осуществляют. Понятие абсолютной власти предполагает исчезновение всех природных и исторических различий между людьми, то есть исключение национальных индивидуальностей. Мы против мечты о вечном мире не потому что мы против мира, а потому что это одновременно мечта об абсолютной власти. Абсолютный мир представляется величественной, сверхчеловеческой идеей, абсолютная власть — нечеловеческой. Власть, которая потеряла всякую индивидуальность, — больше не человеческая, историческая власть. Власть — категория общества, в котором только и может жить и развиваться человек».

Так что вне проблематики усовершенствования человека путём вживления ему элементов искусственного интеллекта, дальше этого всесветного афериума эволюция, очевидно, идти не может. Ибо без существенного повышения уровня рациональности, по меньшей мере, властьпредержащих, нельзя будет, во-первых, очистить весьма многообразное содержание особенного ото всех пережитков прошлого; во-вторых, и это — главное, подвести оставшееся после чистки многообразное под общий знаменатель мировой Справедливости. «Не все мы умрём, но все изменимся».

Марат Зуф. Салихов, 26. 1. 2016 г.